

Содержит
18+
нецензурную
лексику!

СТИВЕН ТАЙЛЕР

AEROSMITH

ШУМ В МОЕЙ БАШКЕ ВАС БЕСПОКОИТ?

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Стивен Тайлер
Аэросмит. Шум в моей
башке вас беспокоит?
Серия «Иконы мировой музыки:
жизнь по ту сторону сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68291459

Аэросмит. Шум в моей башке вас беспокоит?:

ISBN 978-5-04-175316-0

Аннотация

«Я помню, как мама сказала мне, когда я ей заявил, что хочу быть как Дженис Джоплин: "Если ты покажешь себя миру, то станешь мишенью для всеобщих страхов, сомнений и комплексов. И если ты с этим справишься, Стивен, мой маленький глупыш, то сможешь собрать свою армию". И знаете что? Я получил сполна!»

Стивен Тайлер

Жизнь Стивена Тайлера – это сам рок-н-ролл во плоти. Его автобиография написана так ярко и живо, что вы будто оказываетесь в голове у самого солиста Aerosmith! Эта книга расскажет вам всю историю звезды: от юности в Бронксе и первых опытов (самых разных) до головокружительного музыкального взлета, романах и экспериментах с опасными веществами.

Стивен Тайлер откровенен, искрометен и абсолютно беззастенчив. Он то погружает читателей в жесткий мир шоу-бизнеса, то с умилением рассказывает о своих четырех горячо любимых детях. Его текст – одновременно и философские размышления зрелого, познавшего жизнь человека, и хулиганские подробности жизни рок-звезды с сумасшедшими афоризмами в лучшей форме постмодернистского романа.

Эта автобиография превзошла все сплетни и вымыслы о Стивене Тайлере. Обязательно к прочтению не только фанатам Aerosmith, но и каждому, кого хоть раз накрывало энергией рока.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Полупролог	6
Глава 1	10
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Стивен Тайлер

Аэросмит. Шум в моей башке вас беспокоит?

*С любовью посвящается духу и памяти Сюзан
Рэй Бланиа Талларико*

DOES THE NOISE IN MY HEAD BOTHER YOU?

A Rock 'n' Roll Memoir

David Dalton and Steven Tyler

Copyright © 2011 by Walk This Way

Productions, Inc. All rights reserved.

Published by arrangement with Ecco, an imprint of
HarperCollins Publishers.

© Ардисламова А., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Полупролог

Если ты молоток, все кажется гвоздем.

Если ты певец, все кажется песней.

Жизнь коротка. Нарушай правила, прощай быстро, целуйся медленно, люби по-настоящему, смейся безудержно и никогда не жалеешь о том, что заставляет тебя улыбаться. Нас нельзя сосчитать; не существует никакой диаграммы желания. Когда ревущее пламя твоего сердца сгорело дотла, надеюсь, ты поймешь, что состоишь в браке со своим лучшим другом. Предчувствия, догадки, инстинкты... слепая преданность чему угодно может убить тебя, и всегда помни... пой так, будто тебя никто не слышит; живи так, будто рай здесь, на земле. А теперь я хочу сказать что-то глубокое и бессмысленное, вроде: «Будь верен самому себе», но, по правде говоря, первое, что мы должны сделать, – это **УБИТЬ ВСЕХ ЮРИСТОВ**.

Когда я был пацаном и состоял в банде, мой так называемый лучший друг Деннис Данн бил меня по плечу и говорил: «Передай следующему, ублюдок!» И вот я поворачивался к Игнасио, лупил его и говорил: «Передай следующему!» Игнасио поворачивался к Футболисту и бил его по плечу, а Футболист бил Рэймонда, который потом... опять бил меня. Суть в том, что ты должен бороться за свое положение.

Чуть позже в своей жизни я понял, что в группе ситуация такая же. Только в моей новой банде Брэд бил Тома, Том бил Джоуи, Джоуи бил Джо, а Джо бил меня (по зубам), и это самое мягкое объяснение того, что происходит в каждой группе, которая хоть когда-то существовала (по крайней мере, в тех, что протянули больше десяти лет и смогли показать себя миру).

Я помню, как мама сказала мне, когда я ей заявил, что хочу быть как Дженис Джоплин: «Если ты покажешь себя миру, то станешь мишенью для всеобщих страхов, сомнений и комплексов. И если ты с этим справишься, Стивен, мой маленький глупыш, то сможешь собрать свою армию». И знаете что? Я получил сполна! А еще я с самого начала хочу заявить во всеуслышанье, дорогие соседи и неудачники, что мой жизненный путь не привел меня в то место, где я хотел бы осквернить, деморализовать или сломать хоть *кого-то*... Так что все ВЫ, кто лупил и обижал меня за то, что я был любознательным ребенком или сверхчувствительным художником, который вас доставал, – помните, точно так же, как говорят о Монго из фильма «Сверкающие седла», если вы застрелите Стивена, то просто разозлите его.

Когда ты молод, ты испытываешь все в первый раз. Из-за того что это происходит с тобой как бы между прочим, так оно и есть... и ты постоянно это оспариваешь. Когда ты подрастешь, ты начнешь подвергать сомнению всю свою хуеву жизнь, и так много энергии тратится впустую, пока ты гада-

ешь из-за всех этих *почему*. Ты хочешь найти этого ангела гроз, который погасит твой внутренний огонь. И ты начинаешь верить, что уже пережил шесть десятилетий, потому что на твоём плече *правда* сидит ангел.

Поэтому я пишу песни – потому что я прожил все эти перемены от незнания НИЧЕГО... до понимания ВСЕГО... а сейчас, в шестьдесят три года, я вернулся к тому, что опять НЕ ЗНАЮ НИ ЧЕРТА. И когда твоё сознание свободно от так называемых знаний, оно может использовать воображение. Как Альберт Эйнштейн однажды сказал: «Воображение важнее знаний».

По радио крутят твою песню; мелодия настолько запоминающаяся, что проникает в головы слушателей и меняет *их* Всё. *Они* начинают ее петь! Ты оказываешься внутри этих людей. Ты занимаешься с ними любовью. Ты проникаешь в их душу... и наоборот. Это как *Vuja Dé*, и тогда происходит чудо... вы меняетесь лицами, местами, пространствами и эмоциями.

Отец четверых детей (любовь всей моей жизни), автор песен, обладатель докторской степени в Беркли и еще одной в Массачусетском университете Бостона, поэт, художник, наркоман и тот, кто узнает что-то новое каждый день, от дома в Малибу до ужина с шейхом в Абу-Даби... а теперь... писатель? Да вы шутите! Романтика. Семантика. Осторожно, я экзотичный и невротичный! Does the noise in my head bother you... пока что? Да, правда? Я бы сказал, начало хо-

рошее.

C. T.

Глава 1

Периферийный зритель

Я родился в поликлинике Бронкса 26 марта 1948 года. Как только меня можно было перевозить, родители сразу же отправились в Санапи, Нью-Гэмпшир, в маленький коттедж, который сдавался каждое лето, – что-то вроде старомодных гостиниц, только в 1950 году. Меня положили в кроватку и поставили у дома. Мимо пробегала лиса и решила, что я ее лисенок, схватила за край подгузника и утащила в лес. Я рос с лесными животными и детьми. Я так много слышал в тишине соснового леса, что потом точно знал – мне придется заполнить эту пустоту. Родители знали лишь то, что я был где-то там. Однажды ночью они услышали, как я плачу в лесу, но когда они пришли к тому месту, где я раньше лежал, то увидели лишь большую дыру в земле, которую приняли за лисью норку. Они все копали, копали и копали, но нашли только кроличью нору, в которую я свалился, – прямо как Алиса.

И, как Алиса, я вошел в иное измерение: шестое измерение (пятое занял кто-то до меня). С тех пор я могу ходить туда в любое время, потому что я знаю секрет детей леса; в тишине сказано так много, если ты знаешь, что слушать, – то, что танцует между психоакустикой двух нот, и то, что на-

писано между строк, похоже на сопоставление того, что ты видишь в зеркале. Вся моя жизнь проходила между двумя этими мирами: ГОАНЕЦ, не-из-мира-сего, и... ПРИСКОРБНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. В целом, я называю себя периферийным зрителем. Я слышу то, что люди не говорят, и вижу то, что невидимо. Ночью, потому что наше зрительное восприятие создано из палочек и колбочек, если ты идешь по темной тропе, то сможешь увидеть ее, только если посмотришь вбок, тогда включается периферийное зрение. Но об этом позже, мы все успеем, пока тупеем и трезвеем.

Когда я наконец-то вылез из кроличьей норы, мои родители привели меня обратно в третье измерение. Как и все родители, они переживали, но я боялся сказать им, что спокойнее всего мне было в лесу.

На Манхэттене мы жили на углу 124-й и Бродвея, недалеко от театра Аполло. Народ, это Гарлем. Если в первые три года жизни мы больше всего впитываем информацию, то, разумеется, мне нужно было услышать эту музыку, и я был вдохновлен звуками, которые исходили из этого театра. В ней было больше священного, чем в святом Петре.

Через несколько лет я вернулся в Аполло и увидел парк, где мама толкала мою коляску. Мое первое зрительное воспоминание было из ЭТОГО ПАРКА: деревья и облака, летящие над головой, будто я парил над землей. Вот он я, двухлетнее дитя, проецирующее астрал. Я помню, как в четыре

года ходил за галлоном молока с двумя четвертаками, мы шли с мамой рука об руку по пролетам и коридорам подвала нашего дома, по туннелям в соседнее здание, где стояла молочная машина. Я думал, что я... бог знает где. С таким же успехом я мог быть на Марсе. Ах, это был таинственный мир детства, где кто-то всегда ведет тебя за руку через темные коридоры в совершенно новый мир, только и ждущий, пока включится безумное детское воображение.

Моя мама разожгла огонь, который будет греть меня до конца жизни. Она читала мне притчи, басни Эзопа и «Просто сказки» Редьярда Киплинга. Детские сказки и стишки восемнадцатого и девятнадцатого веков: «Хикори Дикори Док», сборник детских стихотворений Эндрю Лэнга, Ганс Христиан Андерсен, «История маленького черного Самбо» Хелен Баннерман. Так круто! Я уж не говорю про «Курицу и золотые яйца»! Мама все это читала мне перед сном каждый вечер. Но однажды, когда мне было около шести, она перестала.

– Тебе надо самому научиться их читать, – сказала она.

До тех пор я читал вместе с ней, пока она вела пальцем по словам. Мы делали так несколько месяцев, но потом она поняла, что я уже научился, и внезапно мама уже не сидела за моей спиной. Она просто оставляла книжку у кровати, а я обезумел от горя.

– Мам, я хочу *слушать* сказки. Почему ты мне их больше

не читаешь?! – спрашивал я.

А потом однажды я подумал: «Ой-ей, теперь мне надо поумнеть». Неее... я просто стану музыкантом и буду сочинять свои сказки и мифы... Аэромифы.

Мама все рассказывала мне про мужчину, которого видела в «Шоу Стива Аллена» в 1956 году, когда мне было восемь. Его звали Джипси Бутс. Он был настоящим хиппи, жил на дереве, отрастил волосы до пояса и пропагандировал здоровую еду и йогу. Джипси был *тем самым* протохиппи. В начале тридцатых он бросил школу, скитался по Калифорнии с кучкой других так называемых бродяг, питался тем, что давала природа, спал в пещерах и на деревьях, а мылся в водопадах. Меня ужасно соблазнял такой образ жизни. Посыл у Бутса был такой: каким бы примитивным ни казался ему мир, он хотел доказать людям, что будет жить вечно. Кстати, почти так и получилось, он умер всего лишь за одиннадцать дней до своего девяностолетия в 1994 году.

Дальше в моей жизни появился богемный композитор по имени Иден Абез, который написал песню под названием *Nature boy* (которую моя мама услышала на пластинке Нэта Кинга Коула). Он разбил лагерь под первой буквой «Л» голливудского знака, изучал восточный мистицизм и, как и Джипси Бутс, питался овощами, фруктами и орехами. Мама пела мне эту песню перед сном. Я никогда не забуду, что из-за этого чувствовал себя ее сыном природы.

Песня повествует о том, как однажды зачарованный и

странствующий Сын природы – мудрый и скромный, с печальным, сверкающим взглядом – натывается на певца. Они сидят у костра и беседуют о философах, подлецах, королях и капусте. Когда мальчик уже собирается уходить, он открывает секрет жизни: любить и быть любимым – это все, что нам нужно знать. На этом Сын природы исчезает в ночи так же таинственно, как и появился.

К сожалению, люди, которые владеют правами на эту песню, не разрешили мне опубликовать в этой книги настоящие слова (зато вы все равно можете их зауглить), но я обещаю, что спою ее в моем сольном альбоме, даже если свершится второе пришествие.

А потом был *Moondog*. Какой у него прекрасный образ – слепой музыкант, который одевается как викинг с рогатым шлемом и копьем в придачу. Он околачивался на углу Пятдесят шестой и Шестой авеню. Я видел и нюхал его каждое утро по дороге в школу. Как ни странно, он жил в Бронксе, видимо, где-то в лесу за многоквартирными домами, в которых я вырос. Это совпадение или тайное послание божие: «Итак, Стивен, ты будешь Мундогом своего поколения?» Ну, или хотя бы лидером рок-н-рольной группы.

Я потом слышал, что Мундог *сам* написал «Сына природы», но откуда мне знать? Может, Иден Абез – какой-то шифр для Мундога...

При рождении мою маму называли Сьюзан Рэй Бланша. В шестнадцать лет она вступила в ЖКА (Женский корпус ар-

мии). Она встретила с моим папой, когда они оба были в Форт Диксе, Нью-Джерси, во время Второй мировой войны. Однажды у него было свидание с девушкой, которая была соседкой моей мамы. Эта соседка его продинамила, поэтому он познакомился с моей мамой, которая тогда играла на фортепиано. Папа подошел к ней и сказал: «Ты играешь неправильно». Это была любовь с первой ссоры! Они поженились и заделали маленькую Линду, мою сестру, и маленького меня два года спустя. Ха-ха! Вот моя мама, вот мой папа, и поэтому я такой дохуя дотошный – и такой помешанный. Во мне есть черты, которые мне не нравятся, и те, которые нравятся. Потому что ты отпрыск, ты неосознанно выбираешь все эти черты, если ты не заметил. Ты становишься своей мамой!

Так я и случился в 1948 году – редкая смесь парня-классика из Джульярда и деревенской девушки-пинапа, которая, кстати, выглядела как помесь Джин Харлоу и Марлен Дитрих с ноткой Элли Мей Клаппетт. И если бог в деталях – а мы знаем, что там ее и надо искать, – тогда я идеальное сочетание. Я «Н» в ДНК моих родителей. Так что теперь, когда на меня обижаются и называют мудаком, я знаю, что на самом деле они оскорбляют Форт Дикс. Моя дочь Челси с самого рождения считала, что бог – это женщина. И это так убеждает, когда ты слышишь о гендере бога от ребенка, что я даже никогда в этом не сомневался (неудивительно, что я так часто смотрю Опру).

Мама была свободной душой, она опередила всех хиппи. Она любила народные предания и сказки, но ненавидела «Звездный путь». Она часто говорила: «Зачем ты это смотришь? Все истории из Библии... их тут просто пересказывают. Открой Библию!», а я думал: «Ну да, как раз этим я и хочу заниматься, когда курю в компании Спока». Кстати, именно поэтому подростки сегодня говорят: «Да пофиг». Но знаете – и это я могу признать только в пьяном угаре – ОНА БЫЛА ПРАВА!!!! «Я, робот» Айзека Азимова, «Одичавший новый мир» Олдоса Хаксли – они оттуда черпали вдохновение. Точно так же, как Элвис вдохновлялся Сестрой Розеттой Тарп (я настаиваю, чтобы вы послушали ее на ютубе *сейчас же*), Эрнестом Таббом, Бобом Уиллсом и Роєм Орбисоном. А они, в свою очередь, породили битлов, те породили стоунов, а те – Элтона Джона, Марвина Гэя, Кэрол Кинг и... *Aerosmith*. Так что изучай историю рока, сынок. Это Библия блюза.

* * *

Мне было три года, когда мы переехали в Бронкс, в многоквартирный дом на Нетерленд-авеню, 5610, прямо за углом от того места, где жили герои комиксов, Арчи и Вероника (видимо, тогда я должен быть Джагхедом). Мы жили там, пока мне не исполнилось девять – на верхнем этаже, и вид оттуда открывался потрясающий. Жаркими летними но-

чами я вылезал из окна на пожарную лестницу и притворялся Человеком-пауком. Гостиная была волшебным пространством. Она фактически была два с половиной на три и шесть ветров! В углу стоял телевизор, который казался крошечным по сравнению с папиным роялем *Steinway*. И вот он сидел за роялем, занимаясь по три часа в день, а я под этим роялем строил свой воображаемый мир.

Это был музыкальный лабиринт, где даже трехлетнего ребенка можно было утащить в страну психоакустики, где такие существа, как я, могли заблудиться, танцуя между нотами. Я *жил* под этим роялем и по сей день люблю теряться под космическим колпаком всего сущего. *Залезать* в него. Помимо изучения всех наночастиц, я хочу знать о том, что живет внутри триады... а не **НАПИВАТЬСЯ** до чертиков! Про психо я уже точно все понял... теперь надо разобраться в акустике (хотя я написал небольшую песенку под названием *Season of Wither* («Сезон увядания»)).

И там я вырос – под роялем, слушая и живя в нотах Шопена, Баха, Бетховена и Дебюсси. Оттуда я и взял мотив песни *Dream On*. Папа закончил Джульярд и в итоге играл в Карнеги-холл; когда я спросил его: «А как попасть в Карнеги-холл?», он ответил, как итальянский Граучо: «Занимаясь, сын мой, занимаясь». Рояль был его женой. Для него каждая *клавиша* на этом рояле обладала своим характером и эмоциональными вибрациями. Он играл не механически. Боже, да каждая нота была для него сродни первому поцелую, и он

играл музыку так, словно она была написана только для него.

Я помню, как заползал под рояль, водил пальцами по деке и впитывал ощущения. Она была немного пыльной, и, когда я смотрел вверх, пыль осыпалась и попадала мне в глаза – пыль столетней давности... пыль старого рояля. Она падала мне на глаза, а я думал: «Ух ты! Пыль Бетховена... то, чем он дышал».

Это был полноценный рояль *Steinway*, а не какая-то игрушка в углу, – большой сияющий кит с черно-белыми зубами, плавающий на дне моего сознания и поющий из глубин странные мотивы, которые взялись непонятно откуда. «Двадцать тысяч лье под водой» даже рядом не стояли.

Мама была свободной душой, она опередила всех хиппи. Она любила народные предания и сказки, но ненавидела «Звездный путь».

Потом я снова приехал на Нетерленд-авеню, 5610. Я постучал в дверь 6G, моей старой квартиры. Прошло уже много лет, и дверь мне открыл пьяный мужчина в трусах и майке.

– Папа? – спросил я. Он наклонил голову, как собака Ниппер.

– Привет, я... – хотел я поздороваться.

– А, я знаю, *кто* ты, – сказал он. – Из телека... Что ты тут делаешь?

– Я раньше здесь жил, – ответил я.

– Так поднимите мне арендную плату! – сказал он.

И вот я зашел и огляделся, и разве нам всегда не кажется,

что места, в которых мы выросли, такие маленькие по сравнению с тем, какими они казались тридцать лет назад? Боже, кухня была крошечная, полтора на два! Спальня, в которой я рос с моей сестрой Линдой, родительская комната, выходящая во двор, – там даже имидж не сменить, куда уж штаны. Как папа вообще *захреначил* этот рояль в гостиную? Так странно было видеть ту же самую малюсенькую квартиру с еще более крошечным черно-белым телевизором, на котором я с открытым ртом смотрел передачи типа «Клуб Микки Мауса» и «Великолепный мир цвета», которые вышли 27 октября 1954 года. В три года я рос под роялем, а к шести годам увидел, как мой черно-белый телевизионный мир превращается в цветной – этого было достаточно, чтобы подготовить меня к жизни. И я как можно скорее хотел окунуться в нее с головой.

Мой папа играл те сонаты с таким чувством, что у меня все кости звенели. Когда ты слушаешь такую музыку от начала до конца день за днем, она отпечатывается в подсознании. Эти ноты звенят в твоих ушах и мозге. И поэтому всю оставшуюся жизнь твои эмоции легко могут неосознанно перетекать в музыку.

Большинство людей, мечтающих о золоте – ищущих чувство восторга, – сначала находят его в своей сексуальности; потом наступает оргазм и – *взжух*, все кончено. А теперь представьте, что кто-то может искать свою судьбу. Он наты-

кается на пещеру и из чистого любопытства решает в нее залезть – там все сияет и блестит, и первый раз в жизни я оказался в хрустальном дворце Супермена на Северном полюсе, от стен которого отскакивали крики при родах матери-земли.

Я не знал, что слышу, и тогда еще не понимал, откуда идет звук. Но это неважно. Я хотел быть частью этого. Но я понятия не имел, что и так уже был. Это чистая магия. Мой папа воспроизводил эти хрустальные крики, играя ноты сонат. Это было похоже на что-то среднее между Имой Сумак и песнями горбатых китов – и эти божественные звуки омывали меня.

Папа только недавно приходил ко мне – ему сейчас девяносто три! Я сел рядом с ним за рояль, и он сыграл «Лунный свет» Дебюсси. И это было намного сильнее, чем все, что я когда-либо написал или напишу. Это было так глубоко и пробудило во мне столько детских эмоций, на которые наслоились взрослые, что я расплакался, как младенец. Помню, когда я услышал ее в детстве, я практически перестал дышать. Иногда ты не можешь оценить, насколько тебе повезло, пока не оглядываешься назад, видишь свое *бытие* и понимаешь, как сильно оно повлияло на то, кем ты стал. Я начал оттуда, так что теперь я здесь. Пожалуй, мы все здесь... потому что мы не можем все быть там.

В детстве лето я проводил в Санапи, Нью-Гэмпшир. По-

ка мы ехали в Санапи, проезжали мимо населенного пункта под названием Большое Кольцо, и мама говорила: «Большое Кольцо? Большое яйцо!» Моя мама была такой умной. Например, она нашла способ, как заставить меня есть горох. «Делай что хочешь, *только не ешь это!*» И вот у меня уже полный рот гороха.

Спустя несколько лет, где-то в 1961-м, когда я кричал маме с другого конца дома, она говорила: «Йоу! А *где* ты? Куда ты делся?» А теперь я гадаю, куда делась *она*. Прекрасная деревенская девушка из Дарби Крик, Филадельфия, которая переехала в город, чтобы нас воспитать, разрешала мне ходить в школе с длинными волосами, спорила с директорами, возила нас на первые свидания в клубы, любила и лелеяла меня – того, кем я был и/или хотел стать.

В пятидесятые дорога от Нью-Йорка до Нью-Гэмпшира занимала семь часов, потому что в те дни все ездили по проселочным дорогам (шоссе еще не построили). Но дорога до Санапи была полна восхитительных придорожных достопримечательностей. Гигантский каменный *Тираннозавр Рекс* на обочине, деревянные медведи, закусочные и огромный бетонный пончик возле кафе.

Троу-Рико, наш летний курорт в Нью-Гэмпшире, был назван в честь Троу-Хилл, местной достопримечательности, и Талларико, фамилия моего отца, отлично вписывалась. Коттеджи стояли на 360 акрах леса, полей – и больше ничего. Это была мечта моего дедушки, Джованни Талларико,

когда он приехал сюда из Италии с четырьмя своими братьями в 1921 году. Паскуале был самым младшим, виртуозным пианистом. Джованни и Франческо играли на мандолине. Микаэль играл на гитаре. Они были гастрوليрующей группой в 1920-е – отсюда моя ДНК «вечно в дороге». Я видел брошюры выступлений братьев Талларико – они играли в огромных отелях с гигантскими залами в таких городах, как Коннектикут и Детройт. Они ездили в эти отели по всей стране из Нью-Йорка на поездах и играли их музыку их людям. Звучит знакомо?

Отец моей мамы... это уже другая история. Он чудом сбежал из Украины. Его семья владела фермой, где разводили лошадей. Но пришли немцы и расстреляли всех на глазах у моего дедушки. «Все вышли из дома!» *Тр-р-р-р-р-р!* Они убили его маму, папу и сестру. Он спасся, потому что прыгнул в колодец, а потом уплыл на последнем пароходе в Америку.

В Троу-Рико я проводил каждое лето, пока мне не исполнилось девятнадцать. По воскресеньям моя семья устраивала пикники для гостей. Мой дядя Эрни жарил на гриле стейки и лобстеров, а мы готовили картофельный салат. Мы подавали еду всем гостям – это в итоге сколько? восемь семей, двадцать с чем-то человек? – во время этих пикников. После ужина, пока садилось солнце, мы забивали наш прицеп сеном, пристегивали его к джипу «Виллис» 1949 года и катали гостей по всей территории. Еще у нас была общая сто-

ловая, где мы подавали гостям завтраки и ужины, а обеды они готовили сами, и все это стоило где-то тридцать долларов в неделю. Иногда шесть долларов за ночь. А когда гости разъезжались, вся моя семья доставала из кухни кастрюльки и сковородки и стучала ими – узрите происхождение первых тусовок!

Как только я подрос, меня заставили работать. Сначала я подстригал живую изгородь. Когда я огрызнулся в ответ: «Зачем мне это делать?», дядя сказал: «Просто наведи красоту и заткнись». Он называл меня «глупыш». Большую часть Второй мировой войны он провел на островах Фиджи, поэтому знал, как вести дела и избавляться от неприятностей. Я помогал ему рыть канавы, прокладывая водопровод почти на два километра в гору и голыми руками копал пруд. Я мыл по ночам кастрюли и посуду и косил газоны вместе с папой, когда вырос настолько, чтобы толкать косилку. Я чистил туалеты, заправлял кровати и собирал окурки, которые оставляли гости.

Мы загребали вилами сено и складывали его в самый дальний сарай. На нижнем этаже в сарае было пусто, не считая ведер с кленовым сиропом и деревянных и металлических инструментов для деревьев, оставленных какой-то семьей еще до того, как мы начали там жить. Спускаться туда было настоящим приключением: куча паутины, ведер, стеклянных банок, артефактов двадцатых и тридцатых годов – все эти ржавые и пыльные штучки, в которых любят ковы-

ряться дети, а особенно я.

Наверху в сарае была дверь с отверстием, через которое можно было загружать и доставать сено. Я мог забраться туда и спрыгнуть со стропил потолка. Я сделал свое первое сальто назад в том сарае, потому что сено было таким мягким, что у меня было такое чувство, будто я падаю на... ну, сено. Я всегда следил, где лежат вилы. Потому что если бы я напоролся на одну из этих сволочей, то научился бы кричать так, как кричу сейчас... на двадцать лет раньше.

Чтобы пойти на пляж с остальными гостями, мне нужно было закончить работу по дому. Через некоторое время у меня возник план. Он назывался «Вставай раньше».

Чтобы пойти на пляж с остальными гостями, мне нужно было закончить работу по дому. Через некоторое время у меня возник план. Он назывался «Вставай раньше».

Летом каждые вторник, четверг и субботу мой отец играл на пианино в «Су-Нипи-Лодж» вместе с дядей Эрни, который играл на саксофоне. У них был трубач по имени Чарли Гаусс, басист по имени Стаффи Грегори и барабанщик, имя которого я не назову. «Су-Нипи-Лодж» – который сегодня, наверное, назвали бы «Снуп-Дог-Лодж» – был одним из классических старых отелей, вроде того, что был в «Сиянии»: весь деревянный, роскошный и огромный, с обеденными залами и палубами снаружи, креслами-качалками и крытыми верандами. Одно из самых крутых мест того време-

ни. Такие места начали строить в 1870-е годы, когда лошади и коляски доставляли гостей с вокзала в отели. Не хватало только музыкантов, чтобы играть музыку и развлекать гостей, – пожалуй, именно поэтому братья Талларико и купили там землю.

Во время сухого закона люди ездили на поезде из Нью-Йорка в Санапи, а бухло привозили из Канады. Кто-то пил, а кто-то – нет. Может, они приезжали на выходные, чтобы посмотреть, как падают листья, но что-то мне подсказывает, что они садились на поезд, чтобы отдохнуть от всего – покататься на лошадиных повозках, остановиться в большом отеле, поплавать на старых пароходах. Те, что сейчас стоят в бухте Санапи, – копии тех, что были сто лет назад. Очень странные. В пятнадцати километрах по главной дороге был Нью-Лондон, тот самый Пэйтон Плейс, где, как ни странно, родился Том Хэмилтон. Но опять же сейчас я не вижу в этом ничего удивительного.

По воскресеньям папа давал концерты в Троу-Рико. Люди со всей округи собирались, чтобы его послушать, а бабушка, мама и сестра иногда играли дуэтом. Во всех семьях, которые к нам приезжали, были дети, и тетя Филлис кричала: «Давай, Стивен, устроим для них шоу!» Внизу, рядом с фортепианной комнатой, была игровая: пинг-понг, музыкальный автомат, бар и, конечно же, дартс. В углу комнаты висел большой занавес, служивший сценой, на которой тетя Филлис учила всех детей песням навроде «Джон Джей-

коб Джинглхаймер Шмидт» и «Дыра в ведре». Я показывал пантомиму под песню *Animal Crackers*, звучащую со старой граммофонной пластинки. Это были вечера в стиле лагерного водевиля. Под конец мы вешали белую простыню перед столом, сделанным из двух строительных козел и доски. Кого-то из зрителей звали, чтобы он ложился на доску, а сзади гигантская лампа отбрасывала тени на простыню. Мой дядя Эрни делал операцию лежащему человеку, делая вид, что распиливает его пополам, а потом вытаскивал ребенка – все это было для зрителей достаточно жутко и весело. Все, конечно, делалось с насмешкой, но это, безусловно, было началом моей карьеры.

За год мы делали где-то сто пятьдесят таких шоу. Я был тем еще актеришкой. Занимался тем, что было мило только для детей, – особенно для восторженных родственников. Это было похоже на фильм Микки Руни. Я даже выучил слова песни «Кемо-Кимо».

*Кемо-Кимо, вот, смотри
Ма-хи, ма-хо, ма-румо стика пампаника
Суп бам, полли митчи камшо
Я тебя люблю*

А потом я добавлял что-то типа «Стика стика стамбо, но со рамбо, посмотри сюда, тама рама ра». И что это была за чертовщина? Начало моей любви к настоящей музыке и чокнутым словам.

До того как я занялся домашними делами в Троу-Рико, до того как я открыл для себя девушек, травку и игру в группах, у меня была отличная жизнь в лесу с моей рогаткой и игрушечным пистолетом. Как только мы туда приезжали, я убегал в леса и поля. И не возвращался до самого ужина. Я был парнем гор, босым и диким. Гулял по лесу, смотрел на деревья, на птиц, на белок – это был мой личный рай. Я призывал палку к веревке и вешал качели на любую ветку дерева. Так меня воспитали – дикое дитя лесов и прудов. Но, конечно, никто мне не верит. Люди не знают, что и думать, когда я говорю: «Знаете, я простой деревенский парнишка».

Ни волн, ни ветра. В звуконепроницаемой студии звукозаписи ушам сразу же становится некомфортно. Особенно с закрытой дверью – звуковое истощение, безэховая комната без какого-либо шума. В лесу совсем не так. В той тишине я тоже что-то слышал.

Вся эта тайна исчезла, когда я подсел на наркоту. Вдали от этого гвалта я снова почувствовал свою духовную связь с лесом. Наркотики украдут тебя, как мошенник – наличку. И всей духовности конец. Я больше не видел то, что раньше было в периферийном зрении. Ни периферии, ни зрения.

Раньше я часто уходил в лес, сидел там один и слушал, как дует ветер. В детстве я набредал на такие места, где обитали лесные звери. Крошечные человеческие существа. Я видел кровати из мха, подушки из сосновых иголок, укромные уголки под корнями поваленных деревьев, полые брев-

на. Я повсюду искал эльфов, потому что невозможно, чтобы в *такой* причудливой красоте никто не жил! И все это доводило мое воображение до такого состояния, что я был уверен: в этом лесу есть кто-то, кроме меня. Спать на таком толстом мху было бы блаженством. Тогда я чувствовал запах зеленой травы. Я видел естественный маленький грот в лесу и говорил себе: «Видимо, там они и живут».

Несколько лет назад я нашел кровать из мха в маленьком магазинчике в Нью-Лондоне. Там была куча подобных вещей, а еще – большая деревянная арка и гигантские птичьи крылья. Эта кровать сделана из веток с матрасом из мха, подушка – из перьев куропатки, с деревянным гнездом и треснувшим пополам яйцом страуса с маленькой надписью и отпечатками фей, которые родились на этой кровати. Мы хранили ее дома, чтобы двое моих детей, Челси и Тадж, смотрели на нее и просто знали, что на этой кровати родились феи. Они спрашивали: «Правда?», и я отвечал: «Правда».

Я купил два поля, по которым раньше гулял. В последнее время я не ходил в лес, чтобы проверить, что с ним стало; я боюсь, что он уже не такой, каким я его помню. Но я вырос среди этих существ. Я был один в лесу, но никогда не чувствовал одиночества. Там и произошло мое первое знакомство с инаковостью, с другим миром. Моя духовность пришла не из молитв господних, не из церкви и не из библейских картин, она пришла из тишины. Она так сильно отличалась от всего, что я испытывал раньше. Единственный звук, кото-

рый можно услышать в сосновом лесу, — это тихий свист ветра между иголками. А кроме этого там просто тишина... как после снегопада... В лесу правда очень тихо... треск веток... ничего. Это похоже на то, что я чувствовал, когда принимал наркотики, — ветер на моем лице, хотя знал, что нахожусь в ванной и дверь закрыта. Так со мной говорила Мать-природа.

Я все ходил и ходил в лесу. Находил каштаны, волшебные кольца грибов, птичьи гнезда, сплетенные из человеческих волос и рыболовной лески. Я представлял, что нахожусь в джунглях Африки, забираюсь на ворота больших поместий и сажусь на каменных львов (пока кто-нибудь не крикнет: «Слезай оттуда, парень!»).

Вот где родилась моя духовность. Разумеется, я познакомился с духовностью и через религию, в пресвитерианской церкви в Бронксе и у моей учительницы по хору мисс Рут Лонши. В шесть лет я выучил все гимны (и несколько ее песен). Я влюбился в двух девочек, сидевших по обе стороны от меня в хоре. Конечно же, они просто должны были быть близняшками. Помню, в пять лет я сидел на скамье в церкви рядом с мамой и смотрел на алтарь с Библией и прекрасной золотой чашей, над которыми возвышался священник. Еще там был золотой гобелен с вышитым на нем распятием, который свисал до самого пола. Я давно уже выучил, что надо вставать, садиться, вставать, петь, садиться, молиться, петь, молиться, вставать, молиться, петь и надеяться, что

все это приведет меня в рай. Я был *уверен*, что Бог должна быть ПРЯМО ТАМ, под ЭТИМ алтарем. Точно так же, как я накрывал одеялом стулья в столовой, чтобы построить крепость – безопасное, сильное место, вроде церкви, только с воображением в виде дополнительного бонуса. УХ ТЫ, и все это соединялось воедино в один прекрасный момент, когда Я чувствовал БОГА. Но потом я снова встретил Ее в лесу.

Я гулял по Санапи с рогаткой в заднем кармане через луг и лес, пока не заблужусь... и тогда начинались мои приключения. Я натыкался на гигантские деревья, так густо заросшие каштанами, что ветви склонялись к земле; на кусты, полные дикой ежевики, малины и рябины; на акры открытых полей, полных дикой земляники в траве – настолько, что когда я косил газон, он пах домашним маминым вареньем. Я находил следы животных, ястребиные перья, светлячков и грибы в форме домиков хоббитов – мне сказали, что из них ушли Фродо и Арвен из «Властелина колец». Между прочим, это те же самые грибы, которые я потом буду есть, и они волшебным образом заставят мое перо писать тексты песен типа *Sweet Emotion*. В хоре я пел Богу, а под грибами Бог пела мне.

Я притворялся индейцем лакота с луком и стрелами – «Один выстрел, одно попадание», вот только у меня был игрушечный пистолет – «Одна пуля, одна птица». Мы тихо передвигались по лесу с моим воображаемым другом Чингачкуком. Я был метким стрелком; после целого дня охоты с рогаткой и пистолетом я возвращался с веревкой голубых

соек, привязанной к моему поясу. Эта часть не была воображаемой. Каждую весну я наблюдал, как голубые сойки совершают набеги на гнезда других птиц и забирают их птенцов. Мой дядя сказал мне, что голубые сойки плотоядны, прямо как соколы и юристы.

Я ездил с отцом на рыбалку на озеро Санапи в четырехметровой, сделанной в сороковые годы, очень древней, *гигантской* деревянной 120-килограммовой весельной лодке, которую мог поднять только викинг. Даже ручки весел были толще, чем любимая фермерская свинка. Ты стоишь посреди озера, и солнце палит, как в Сахаре. Ты горишь, ты не можешь плыть дальше. К тому времени как мы доплывали до середины, где клевали БОЛЬШИЕ, мы все понимали, что надо грести обратно. *Мы – это Я. А-ха-ха-ха!* Я стал Папаем Талларикио. После того как я начал косить по сорок акров раз в неделю, я спокойно мог грести обратно к берегу (и нести на себе всю тяжесть мира).

Я все ходил и ходил в лесу. Находил каштаны, волшебные кольца грибов, птичьи гнезда, сплетенные из человеческих волос и рыболовной лески. Я представлял, что нахожусь в джунглях Африки, забираюсь на ворота больших поместий и сажусь на каменных львов (пока кто-нибудь не крикнет: «Слезай оттуда, парень!»).

В лесу у озера были большие гранитные валуны, которые оказались там из-за ледников во время ледникового пери-

ода. Над дорогой в Санапи, рядом с которой я жил, были пещеры с рисунками индейцев на стенах – пиктограммами и знаками. Они были обнаружены, когда город построили еще в 1850-е годы. В этих самых пещерах жили индейцы пеннаук. Убив всех индейцев, белые построили и назвали в их честь гранд-отель на семьдесят пять номеров, «Пещера индейцев», первый из трех гранд-отелей в районе Санапи и первое место, где я играл на барабанах с папиной группой в 1964 году, а еще в километре от этого места я впервые услышал, как играет Брэд Уитфорд.

В городке Санапи раньше было место для катания на роликах. Это был старый сарай; с обеих сторон были открыты двери, а снаружи все залили цементом, чтобы люди катались вокруг сарая и могли проехать через середину и выехать с другой стороны. В детстве это казалось шикарным местом. В те времена можно было взять ролики напрокат в самом сарае у задней стены и купить газировку в стаканчиках, которые все забирали, проезжая мимо. Потом там поставили небольшую сцену, где иногда выступали группы. К следующему лету там можно было не просто кататься на роликах, а еще и танцевать на них под музыку своей любимой группы. Это было уникальное место, и называлось оно «Сарай». На другой стороне улицы находился ресторан под названием «Якорная». И после долгого дня на пляже, катания на водных лыжах или не очень удачной рыбалки там можно было пришвартовать свою лодку и заказать себе рыбу с картошкой

фри... Кстати, о картошке: никто не жарил ее лучше, чем повар из «Якорной» – Джо, мать его, Перри. Я вернулся туда, чтобы пожать ему руку, и вот он стоял во всем своем великолепии, черные очки в роговой оправе с белым скотчем посередине, благодаря которому они оставались на носу. Он был похож на Бадди Холли в фартуке. Я спросил: «Привет, как дела?» или скорее: «Еще не родила?». В то время я играл в группе Chain Reaction – и не имел ни малейшего понятия, что мое будущее лежит где-то между картошкой фри и скотчем, скрепляющим его очки.

В конце каждого лета я возвращался в Бронкс, и это было абсолютным культурным шоком. Назад к *сто процентному* городу – многоквартирные дома, тротуары – от *сто процентной* деревни, где шастают олени и антилопы. Не многие люди сталкиваются с такими резкими переменами. Мы жили в месте вроде проекта: сирены, гудки, мусоровозы, бетонные джунгли, и все это я сравнивал с деревней – сгнившие старые каноэ начала 1900-х, последнее поколение, которое еще знало настоящих индейцев. *Охренеть!* К 1 сентября все туристы, которые летом заполняли Нью-Гэмпшир шумом и весельем, бежали обратно в город, как перелетные птицы. Добро пожаловать в сезон увядания. Сначала трава, зелень и старая добрая Мать-природа, а потом цементные тротуары, метро и складные ножи. Однако каким-то образом я находил способ оставаться деревенским парнем, так что даже в городе я мог

быть сыном Матери-природы – но с плохим характером.

Ребята спрашивали меня: «Где ты был?», а я отвечал: «В Санапи!» Санапи – мистическое индейское название. Я будто прилетал с другой планеты. Возвращаясь в город, я придумывал себе фантастические приключения: я спасся от медведя гризли, на меня нападали индейцы.

– У тебя есть 22-й калибр?

– *Что?*

А потом начинался пиздеж:

– Меня укусила гремучая змея...

И я показывал шрам от того, как упал летом в камин. Я будто сам верил в собственную ложь; ты врешь, и история *разрастается*.

– Она на меня ползла, истекая слюнями, на клыках у нее блестела кровь предыдущего туриста.

– Да не *гони!*

– Нет, правда, она была такой яростной, но я засадил ей промеж глаз своим пистолетом 22-го калибра.

Ну не говорить же мне, что я косил траву и выносил мусор! Девчонкам такое не нравилось, да и парням, которые избивали всех, кто не равнялся с уровнем Бронкса. Я хотел рассказывать о том, как убивал гризли голыми руками, – я был Гекком Финном из Адской кухни. У городских все равно были безумные представления о деревне, так что я мог придумывать что угодно, и мне верили. Не забывайте, это был 1956 год. И у Уорда Кливера действительно был сын, не же-

на, по имени... Бобер.

Мне было около девяти, когда мы переехали из Бронкса в Йонкерс. Я ненавидел, когда меня звали Стивом. В семье меня называли Крошка Стиви, но когда так говорит семья, то это нормально. А вот когда кто-то вне семьи говорит: «Стив», то это отстой. Переезд из Бронкса в Йонкерс (почти такое же ужасное название, как и Стив) дался мне нелегко. Он был слишком белым и республиканским для тощего хулигана из Бронкса. Моего лучшего друга звали Игнасио, и он сказал мне представляться моим вторым именем, Виктор, прямо как мой папа! Этот совет от парня, имя которого звучало как название итальянской сосиски, был просто гениальным. Так что где-то год все называли меня Виктором, дольше это не продлилось.

В Йонкерсе нам жилось хорошо, потому что у нас был свой дом с огромным задним двором, а вокруг был лес. В двух кварталах от этого дома находилось озеро, которое использовалось в качестве водохранилища, на нем мы с друзьями рыбачили все подростковые годы. Там водились лягушки, лососи, окуни и всякие другие виды рыб. В нашем дворе были скунсы, змеи, кролики и олени. В том лесу водилось столько живности, что мы начали ловить животных, снимать с них шкуру и продавать ее, чтобы немного заработать, – это было мое хобби, которому я научился у друзей из 4-Н в Нью-Гэмпшире. В пятнадцать лет в одном из детских магазинов я увидел бассейн в виде лодки. Я его купил и плавал в озере

с веслами, собирая приманки и блесны, которые путались в водорослях. В итоге я продавал их тем людям, которые сами же их там и теряли. Я стал бешеным псом еще до появления фильма.

В четырнадцать лет я нашел одну листовку в «Жизни мальчика» или в другом журнале о дикой природе, где рекламировали «Ферму диких животных Томпсона» во Флориде. Там можно было купить что угодно – от пантеры до кобры, от тарантула до енота. Маленький енот? Ух ты, мне такой нужен! Я отправил деньги, и его прислали в деревянном ящике, он смотрел оттуда на меня глазами, как на картинах Кин или у японских школьников из аниме. Я искупал его, посадил на плечо и направился к озеру. И там *он* по-новому научил *меня* ловить рыбу. Я назвал его Бандитом, потому что когда его оставляли без присмотра, он либо обшаривал карманы, либо крал всю еду из холодильника. Через год после того, как он разнес весь наш дом, я понял, что иметь в доме дикое животное – не то же самое, что завести домашнее, поэтому мне пришлось держать его на заднем дворе. Их просто нужно кормить, а потом отпускать на свободу. Потому что если все время быть с животными, то они перенимают твою личность – а в шестнадцать лет я был злым засранцем, и это совсем не тот характер, который идет диким животным. Он сорвал все занавески в доме, которые повесила мама. Я любил Бандита, и он изменил мое отношение к убийству животных. В итоге я отдал его одному фермеру из штата Мэн, и там Бандит

дожил до глубокой, огромной и толстой старости. А потом он прогрыз себе путь к свободе, то есть электрический провод, и сжег сарай. Его лицо до сих пор висит на стенде самых разыскиваемых преступников Мэна. Так держать, Бандит!

В 81-й школе Бронкса детей каждое утро собирали во дворе.

– Так, класс, построились!

Ровно в 08:15. Однажды утром, когда я был в третьем классе, я увидел в том дворе девочку и, видимо, схватил разбитую лампочку и гонялся за этой девочкой – как сделал бы и любой другой умный (поганец) мальчик, жаждущий симпатии. Это был *мой* способ доказать, что подростковые ухаживания – это не просто бантики и конфетки.

Я ненавидел, когда меня звали Стивом. В семье меня называли Крошка Стиви, но когда так говорит семья, то это нормально. А вот когда кто-то вне семьи говорит: «Стив», то это отстой.

Ее мама пошла к директору.

– Если Стивена Талларико не вышвырнут из этой школы, я найду своей дочке другую! Он бегал за ней со СМЕРТЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ (бла-бла-бла). Он просто животное!

Я и так был хулиганом школы, и эта ситуация точно не помогла моей репутации. Мою маму вызвали к директору. Меня хотели отправить в школу для непослушных мальчишек и девчонок, сейчас их называют детьми с СДВГ.

– Что? Вы шутите? – сказала мама директору. Моя мама

тааак за меня боролась. – Знаете что? Я забираю *его* из этой школы. Идите на хуй!

Так она не сказала, но зато это говорили ее ГЛАЗА. И она ПРАВДА меня забрала. Меня перевели в школу «Хоффманн» – частную школу в Ривердейле, спрятанную в лесах и, как ни странно, рядом с домом Карли Саймон. Незвестная мне Карли тоже жила рядом в Ривердейле. Спустя тридцать лет, когда мы вместе давали концерт на Мартас-Винъярде, она мне сказала, что тоже училась в этой школе.

Я был в восторге от школы «Хоффманн», но, приехав туда, я узнал, что там полно «особых детей». Тех, что кричат «Пошли НА ХУЙ!» посреди занятий, с синдромом Туретта, а потому они орали изо всех сил. Я бы сказал, что там было чуть более дико, чем в государственной школе: дети нюхали клей на уроках рисования и рисовали граффити в коридорах... они *ели* краску и стреляли друг в друга жеваной бумагой. УХ ТЫ, вот это мне подходит!

Там были гиперактивные дети, похожие на меня, – те еще сволочи! Не то чтобы я был *таким же*. Просто во мне было слишком много итальянского – такого, что заставляет быть громким, самонадеянным, напористым и без тормозов. Но я знал, что если не буду себя контролировать, то за этим последуют блядские причины и следствия, за которые будут бить по рукам. И все же я творил все, что взбредет в голову. Помню, однажды я расчесывал в столовой волосы вилкой! В тот раз я легко отделался, чего не сказать о том случае с поджо-

гом мусорного ведра.

Таким был Бронкс, все равно диким. По пути в школу «Хоффманн» я срезал через поле и перелезал через каменную стену. «*Через реку и леса*». Там было вишневое дерево, такое толстое и огромное, что было похоже на вяз, и когда оно цвело, это выглядело как взрыв розовых и белых лепестков, как метель. Летом там было полно вишни.

Я бродил за домами и искал, чем бы заняться. Однажды я нашел большую прекрасную кучу грязи, а потом я понял, что это свалка всех домов в этом районе. На эту десятиэтажную гору грязи нужно было взбираться, как на Эверест. Детская мечта! Для меня эта куча грязи была горой – горой Талларико. «Идем забираться на гору», – говорил я друзьям. На вершине был целый *акр* земли с сорняками и саженцами – а еще гнезда богомоллов и всякие другие штуки, до которых никто не мог добраться. Разумеется, я был просто обязан принести домой гнездо богомола. Оно было похоже на то, что у меня между ног, – округлое, крепкое, морщинистое, немного похожее на инжир. Я спрятал его у себя в ящике, потому что думал, что это круто. Через две недели я проснулся с утра, а моя комната кишела маленькими богомолами – их было тысячи! Они просто наводнили мою комнату, нашу двухъярусную кровать, одеяла, подушки, стены и... «*Мам!*»

Мы открыли окна, выбежали и закрыли дверь. Нечего и говорить – почти неделю я спал в гостиной. Когда мы наконец-то вернулись, они все исчезли.

На вершине той горы был небольшой туннель, который я видел, но никогда не исследовал. Однажды я прополз несколько метров, но там было темно и затхло, так что я решил далеко не лезть. Чем старше я становился, тем дальше залезал. И вот однажды я заполз туда и сказал другу: «Держи меня за ноги!» Потому что в детстве я думал только о том, что это кроличья нора, и в том возрасте я ничего не хотел о ней знать. Позже я заплатил Чеширскому коту миллион долларов, чтобы он стал моим соседом по комнате! Как ни странно, после того как мы съехались, он чуть не лишил меня жизни.

Я был крайне осторожен, залезал все дальше и дальше, светя фонариком, пока друг держал меня за ноги. А нашел я там лишь старую винтовку M1, которую раньше использовали, чтобы держать винный магазин за углом от Нетерленд-авеню, 5610. И вот я взял эту винтовку и пошел по улице домой с ней на плече, как генерал Паттон. И я думал: «Ух ты, что я нашел! Хочу скорее показать маме». Потом она позвонила в полицию и рассказала, где я нашел оружие. В тот день у меня взяли интервью, и я наслаждался пятнадцатью минутами славы. Это сильно отличалось от парня, который вечно влипал в неприятности. Ну да, я стал героем, когда хотел *создать* неприятности, но все же... невероятное начало.

Тем временем на ранчо, в смысле, на ферме (прямо как в «Спин и Марти») в Санапи, Джо Перри жил у реки, всего

в десяти километрах от меня, рядом с бухтой. Все наше детство он был там, а я был здесь, и мы ни разу не пересеклись. Мы делали одно и то же. Он целыми днями плавал и жил в воде, а река была пиздец ледяной – чуть больше получаса, и твои губы уже фиолетовые. Я выходил из воды и ложился на живот на Дьюи Бич, растягивая руки как крылья и прижимая к груди горячий песок, чтобы согреться, как ящерица на камне. Могу только представить, что творилось с моим сердцем, пока оно боролось с гипотермией.

Но в Санапи все было не так идиллично – там был расизм, а мы были итальянцами. Семья Кавичио устраивала в бухте шоу на водных лыжах. Они привезли его из Флориды. Только они умели прыгать на водных лыжах, кататься на них босиком и тащить за лодкой семерых девочек, которые взбирались друг другу на плечи, чтобы образовать человеческую пирамиду. Но однажды на Дьюи Бич разобрали причал, чтобы Кавичио больше не приходили. Закончилась целая эпоха. Теперь никто не мог пойти на Дьюи Бич и покататься на водных лыжах с причала. Вот только у дяди Эрни был другой план. Он знал, что, как только ты научился кататься, начинать веселее с задницей на причале, а не в холодной воде. Поэтому он построил плот три на три метра, поставил под ним бочки, чтобы он держался на плаву, а по углам – четыре цепи, на конце которых было четыре камня, и так плот оставался на месте. Кто бы ни снес причал, он не мог жаловаться, потому что плот был достаточно далеко от берега и никому

не мешал. Но кто-то взбесился из-за такого открытого свое-
нравия. Одной темной ночью он решил взять масло из фри-
тюрницы в одном из портовых ресторанов и размазать его по
всей поверхности плота. Он стал таким жирным и вонючим,
что никто не мог, да и не хотел вставать с него на водные
лыжи. Как странно, что масло из фритюрницы, на котором
Джо Перри жарил мою картошку фри, – это та же хрень, из-
за которой возникло первое нефтяное пятно на озере Сана-
пи! Это была деревенская версия «Эксон Валдиз»... только
слегка вкуснее.

В пятницу вечером я добирался автостопом из Троу-Рико
до бухты в Санапи и встречался с ребятами в городе. Надо
было найти кого-нибудь, кто мог купить нам пива, а потом
мы играли в одну игру – прыгали с одного лодочного доми-
ка на другой, как в Нью-Йорке прыгают по крышам, только
в Нью-Гэмпшире и по озеру. Правила были такие: к земле
прикасаться нельзя, и тот, кто доберется до самого дальнего
лодочного домика, получит упаковку «Кольта 45» и девочку,
которая сочтет это крутым. Дешевые приключения. В resto-
ране «Якорная» было три автомата для игры в пинбол, ко-
торые светились всю ночь напролет, особенно если там бы-
ла Элисса Джеретт. Ник Джеретт, ее отец, играл на кларне-
те в группе с моим папой. Она была самой красивой девуш-
кой в Санапи – а потом она вышла замуж за Джо Перри. Но
в «Якорной» она играла всю ночь – она была Волшебницей
пинбола!

Мой домик в Троу-Рико был крошечным. Там была двухъярусная кровать, один комод и одно окно, которое закрывалось на цепочку. Я спал на верхней койке, а по утрам папа будил меня, бросая яблоки с яблони. Около семи утра. И неважно, успел я поспать или нет, — проснись и пой. Он не сильно бросал яблоки, но шум получался достаточно громким, чтобы меня будить. Звук и ритм бьющихся о мой домик яблок был для меня чем-то вроде приглушенной музыки, как фоновый стук малого барабана — он всегда напоминал мне о том, как громко должно быть слышно малый барабан в песне.

Папа знал, что я люблю играть на барабанах, поэтому предложил играть в его группе три вечера в неделю на протяжении всего лета. В его группе играли светскую музыку, которую обычно приписывают к стилю «Великого Гэтсби». Мы играли ча-ча-ча, венские вальсы, фокстроты и мелодии из бродвейских мюзиклов, например «Лето» из «Порги и Бесс». Я был в ужасе, когда девочки моего возраста входили в отель, разворачивались и уходили. Мне так хотелось сыграть рок-версию *Wipeout* или *Louie Louie*, а не вальс времен Людовика XIV, ну, или так мне казалось. Мы располагались в большом зале отеля и играли четыре сета с 19:30 до 22:00, каждый по полчаса. Мне приходилось забирать свои длинные волосы, приглаживать их гелем или воском и собирать в хвост. Я был похож на четырнадцатилетнего Аль Пачино в «Лице со шрамом»!

Я уже два или три лета играл так с папой каждый вечер два месяца. Публика была постарше, но время от времени кто-нибудь приводил своих дочерей; там были семейные посиделки. И вот однажды вечером, когда я играл, пришла одна симпатичная девочка в белом платье со своими родителями. Я наблюдал за ней из-за барабанов, оглядывая с ног до головы и фантазируя, как делают все маленькие мальчики. Ее мама смотрела, как первый танец отец, конечно же, посвящает своему маленькому ангелочку. Как мило! Наверное, ей было лет четырнадцать – пухленькое юное совершенство, сверкающие большие зеленые глаза, волосы до талии. «О, боже», – подумал я и, охваченный подростковой похотью, распустил волосы, хотя это очень рассердило папу. Я хотел РУШИТЬ ВСЕ РАМКИ! Я был уверен, что, услышав наши песни, любая девушка в здравом уме ушла бы через две секунды, если бы не ее родители! Я прямо видел, как она думает: «*Я сваливаю!*»... и я тоже! Погоня началась! Во время перерыва папа сидел в баре со своей группой, а я пускал слюни в коридоре, смотря на ангелочка в белом платье.

Звук и ритм бьющихся о мой домик яблок был для меня чем-то вроде приглушенной музыки, как фоновый стук малого барабана – он всегда напоминал мне о том, как громко должно быть слышно малый барабан в песне.

Один парень по имени Поп Беверс приезжал в июле в Троу-Рико косить поля. Он жевал табак – такой большой

кусище. Я разговаривал с ним, пока он крутил самокрутки и учил этому меня. После этого я сам начал делать сигареты из рыльцев кукурузы. Я оставлял их у окна, сушил, заворачивал в папиросную бумагу и курил. Рыльца кукурузы! Однажды я попробовал жевать табак, и мне стало *так* плохо, что меня тошнило огромными кусками прямо на мою сестру Линду.

Потом начались годы алкоголя. Все лето моя семья собирала большие бутылки из-под кока-колы. Зимой, когда мы жили в Бронксе и Йонкерсе, мама хранила бутылки из-под газировок, пива и вина, и мы привозили в Троу-Рико *ящики* пустых бутылок. В конце года, когда гости уезжали, наступал яблочный сезон, и мы всей семьей собирали яблоки в саду и приносили их туда, где давили фрукты. Мы забирали сок, разливали его по бутылкам и хранили в подвале Троу-Рико, где он превращался в крепкий сидр. Однажды вечером после концерта в нашем «Сарае» (где мы играли каждую субботу) мой двоюродный брат Оги Мазелла сказал: «Пошли в подвал». Мы схватили бутылку и выпили ее полностью, наливая сидр в жестяные стаканчики из наших армейских наборов. Из верхней части этого набора можно было сделать сковороду, чтобы жарить фасоль над банкой «Стерно». Еще там была пара тарелок, чашка и столовые приборы – безумно крутая штука.

Этот сидр был очень крепким. Мы пили его как обычный яблочный сок и даже не понимали, что напиваемся в стельку. Я поплелся в «Сарай», где играла группа, и начал весе-

лить удивленных гостей в состоянии полубреда, к которому я вскоре привыкну. Но веселье быстро пропало. Меня тошнило, и я, шатаясь, вышел на улицу, упал лицом вниз, а проснулся с полным ртом земли. Потом я пополз к себе в домик. Выучил ли я свой урок? Да! Но не так, как вы подумали.

Одной ночью в Су-Нипи-Лодж мое детство закончилось. До этого я сидел с папочкой в баре, пил колу и заедал арахисом, но потом я с головой окунулся в злобный мир дури! Я встретил кое-кого из персонала, помощников официантов, которые жили рядом с клубом. Я вышел на улицу, а там кто-то крутил косяк. Мы говорим о 1961-м, и косяк был *тонким*. Он был *крошечным*. Травка была *настолько* запрещена, что я даже не хотел о ней знать. В другой раз я поехал в город, чтобы послушать одну группу в «Сарае», и один из парней скручивал косяк в туалете. Он сказал:

– Эй, хочешь покурить?

– Нет, – ответил я. – Мне это не нужно! У меня и так проблем хватает.

А еще я смотрел «Косяковое безумие», так что не собирался это пробовать, но потом мне стало интересно. Я не знаю, дело в запахе или романтике момента, но в конечном счете все, что я делал, было незаконным, аморальным или калорийным.

Вскоре после этого я начал *выращивать* траву и прятать ее от семьи – как будто они бы поняли, что это. Я подумал,

что если посажу ее прямо в поле, то, учитывая мою удачу, кто-нибудь ее точно скосит. Поэтому я пошел к линиям электропередач и посадил там несколько семян, мне казалось, что это было достаточно далеко. Но так я мог в любой момент пойти туда и полить травку. Сначала я взял рыбу – окуня, которого сам поймал в озере, – порубил ее на мелкие кусочки и положил на камень, чтобы летняя жара сделала свое дело. Через две недели вокруг рыбы уже летали мухи. Она настолько стухла и провоняла! Я мульчировал землю, посадил семена и каждый день их поливал. Через два месяца у меня было растение размером с хреново карликовое деревце. Я использовал кучу удобрений, но почему-то оно не цвело. Стебли были твердыми, как ветки. «*Что не так?*» – задавался вопросом я. Может, все из-за того, что в Нью-Гэмпшире по ночам холодно? Точно! Не точно. Оказалось, под линиями электропередач распыляли ДДТ или какие-то химикаты, которые мешали росту растений. Эй, уебки! Я все равно отрывал листья и обкуривался ими. Но на растении было всего семь листочков. И все же мне нравилось накуриваться и шататься по лесу. Я курил, а потом гулял в горах с Дебби Бенсон – в пятнадцать лет я мечтал, что трахаюсь с ней.

Ночью в лесах Нью-Гэмпшира было так темно, что даже ног своих не видно. И все те ужасные истории, которые я рассказывал своим друзьям в Бронксе, будто оживали. Волчьи стаи! Пауки черные вдовы! Силуэт бостонского душителя! Кровожадные индейцы!

Я постоянно накуривался со своими друзьями в моем до-
мике. Мы запирались, хоть мне и не нужно было прятаться
от мамы. Я говорил: «Мам, ты пьешь! Почему ты вместо это-
го не куришь?» Я скручивал косяк и говорил: «Ма, понюхай,
как он пахнет!» И она никогда не кричала: «Убери!», в ос-
новном потому, что любила пить днем коктейли (или сидеть
с теми, кто пьет).

Когда меня никто не мог подвезти из Троу-Рико в город –
сколько там было, километров шесть? – я шел пешком. Но-
чью в лесах Нью-Гэмпшира было так темно, что даже ног
своих не видно. И все те ужасные истории, которые я рас-
сказывал своим друзьям в Бронксе, будто оживали. Волчьи
стаи! Пауки черные вдовы! Силуэт бостонского душителя!
Кровожадные индейцы! Я знал, что в Санapi не осталось ни
одного индейского племени. Мы – белые – их всех вырезали.
Но как же *призраки* индейцев? Они точно были в бешенстве
от неутолимой жажды мести. А еще я спотыкался от мамин-
ного домашнего сидра.

А когда облака закрывали луну, дорога становилась чер-
ной как смоль, и я такой: «Вот черт!» Я брал палку и сту-
чал ею по дороге, как слепой Пью из «Острова сокровищ».
Мне было так одиноко... и страшно. Йонкерс и Бронкс все-
гда были освещены. Там можно было прятаться в сугробах,
а когда из-за угла выезжала машина – хвататься за бампер
и катиться за ней на лыжах. Но в Санapi мне приходилось
чуть ли не ползти на четвереньках, чтобы найти в темноте

проселочную дорогу. Потом я снова встану на четвереньки и поползу уже совсем по другой темной дороге.

Когда я жил там и в сентябре все уезжали, я чувствовал себя брошенным. В юности такое дается нелегко. Я еще думал: «Неужели я стану тем самым злобным старым хуем, который орет на детей, чтобы они убирались со двора?» Нет, я не такой. Я был как раз той шпаной, которая ссала в чужих дворах. Знаешь, в тот момент моей жизни я все еще был в лесу. И в жизни было столько всего, чего я не понимал, и мне это нравилось. Всеми нами движет страх.

Seasons of Winter была навеяна тревогой и одиночеством тех ночей, когда я шагал по страшной тропинке.

*Fireflies dance in the heat of
Hound dogs that bay at the moon
My ship leaves in the midnight
Can't say I'll be back too soon*

*They awaken, far far away
Heat of my candle show me the way*

*Светлячки танцуют в жару
Гончие лают на луну
Мой корабль отплывает в полночь
Я не скоро вернусь*

*Они просыпаются, далеко-далеко
Жар свечки указывает мне путь*

Потом в моей жизни появилось, с одной стороны, кое-что не настолько страшное, а с другой – пугающее до жути, потому что здесь замешаны девочки. Это произошло задолго до того, как я начал понимать женщин. «Конечно, Стивен. Ты ведь так и не начал их понимать. Ты просто стал рок-звездой, и это решило проблему». Неужели?

Короче, мы с моим братом Оги уговорили двух девчонок пойти с нами в поход. Две девочки, одна палатка, увядающий день, бухло. Да уж, вы и представить не можете, куда может повернуться подобный сценарий. Нам могло повезти... Мы подошли к красивому холму. Ночью он выглядел таким плюшевым и мягким.

– Ух ты! Где мы?

– Не знаю, бро, но давай поставим палатку и, ну, хе-хе, знаешь...

У нас были шесть банок пива и девочки, что в этом такого плохого? Не думаю, что мы занимались чем-то таким диким – ну, целовались и пили. Жаль, что тогда я был не таким коварным, как сейчас, но когда ты мальчик, ты смертельно боишься девочек! До ужаса!

Мы проснулись утром от чьего-то крика: «*Фейерверк!*» Я никогда этого не забуду. Мы посмотрели друг на друга. Что это значит? Кто-то тут пускает фейерверк? Потом еще раз, громче, а затем мяч для гольфа врежется в стенку палатки. А, «Фервей»! Наша палатка была на поле для гольфа. Мы

схватили свои вещи, голые и с похмелья, и помчались со всех ног.

Когда мне было шесть или семь, я ходил в церковь и пел гимны. Там стоял стол со свечками, и я думал, что под ним живет Бог. Думал, что он там из-за силы песен. Сквозь эти гимны проходила энергия. Когда я впервые услышал рок-н-ролл – что тогда было? Боже... до того как я начал заниматься сексом, это и *был* секс! Первая песня, которая сразу же начала течь по моим венам, была *All for the Love of a Girl*.

Задолго до «Битлз» и британского вторжения, когда мне было девять или десять лет, мне дали маленькое радио. Но ночью в Санапи завывал ветер, и я не мог поймать нужные станции, поэтому пришлось протянуть провод до самой верхушки яблони. Он все еще там! И я поймал WOWO из Форт-Уэйна, штат Индиана, и услышал *All for the Love of a Girl*. Это была вторая сторона сингла *Battle of New Orleans* Джонни Хортона.

All for the Love of a Girl – это лиричная песня о любви, Джонни Хортон с обожанием относился к тексту, дергая каждое слово, будто это струна гитары.

Это очень простая, почти архетипическая песня о любви. Это что-то вроде *уже-тысячу-раз-написанной* баллады. В этих строчках было *все*. Блаженство! Разбитое сердце! Одиночество! Отчаяние! Я сидел на яблоне и проживал каждую фразу. Не хватало только моей *разбушевавшейся икхуны* –

которую можно было бы поставить, как палатку.

Когда я слышал *I Wonder If I Care as Much The Everly Brothers* со всеми ее двойными гармониями... у меня перехватило дух! Никто так не передавал в песнях подростковую любовь, как The Everly Brothers. *Cathy's Clown, Let It Be Me, So Sad (to Watch Good Love Go Bad), When Will I Be Loved?* Боже, эта душераздирающая гармония Аппалачи. Эти чистые *квинты*! В смысле, в квинтах живет Бог, и все, кто может так их петь... это наше самое чистое единение с Богом после того момента, когда мы появляемся на свет. Узрите акт творения... святой и совершенный.

Если вы сомневаетесь, попробуйте вот что: сделайте глубокий вдох и пойте с кем-то одну ноту – с другом, с подружкой, с надзирателем: «А-а-а». Когда два человека держат одну ноту и один из них начинает немного фальшивить, вы услышите зловещую вибрацию – это неземной звук. Думаю, в этих вибрациях существуют очень сильные целительные свойства, ничем не отличающиеся от той мистики, которую использовали и понимали древние шаманы.

А теперь спойте квинту: один поет ноту до, а другой – соль. А потом пусть один соскочит со своей ноты... это *диссонанс*. Если перевести с языка музыки, квинта – это двоюродные братья, в которых есть волшебная пульсация. Если вы закроете глаза и соприкоснетесь лбами, то почувствуете дикую межпланетную вибрацию. Это большой секрет, но именно так профессионалы настраивают рояли *Steinway*.

Бог, звук, секс и электрическая сеть мира – все это взаимосвязано. Оно течет по вашим венам. Бог находится в промежутках между синапсами. Вибрирует, колеблется, пульсирует. Это Вечность, детка.

Вся планета поет свою странную космическую панихиду. Вращение Земли излучает огромное, страшное урчание, ворчащую соль-бемоль. Ты даже можешь услышать, как Земля стонет в стиле *Howlin' Wolf*. Цепи ДНК и РНК имеют специфический резонанс, точно соответствующий октавному тону вращения Земли.

Все это *правда* космос, бро! Музыка ебанных сфер! Третий камень от солнца – это одна большая мегазвуковая пьезо-электрическая цепь, гудящая, жужжащая, сочащаяся странным шумом и гармонией. Верхняя атмосфера Земли вопит своему ребенку пронзительными криками, щебетом и свистом (а заряженные частицы солнечного ветра – духовные частицы солнца – сталкиваются с магнитным полем Матери-земли). Земной блюз! Может, какой-нибудь инопланетянин, который ловит короткие волны своей антенной, услышит наш космический стон.

Ты можешь только догадываться, что все может – и будет – происходить, пока мы сидим здесь, на Земле. Например, в «Стратокастере» используется звукозаписывающее устройство, обернутый несколькими тысячами витков медной проволоки, чтобы усилить звук струн. Вибрация соседних струн модулирует магнитный поток, и сигнал подается в усилитель, ко-

торый усиливает эту частоту – и взрывается на сцене. Точно так же можно взять ноту и усилить ее, можно усилить всю гребаную планету. Волны планеты!

Взять даже компас. Это просто игла, плавающая на поверхности масла, которая не может свободно плавать. Сила, удерживающая эту иглу, – магнетизм. Игла дрожит, улавливая малейшие частоты. Но если бы это можно было усилить... Через тридцать лет это будет возможно, а я буду сидеть и говорить: «Знаете, в стрелке компаса есть сила, и вот...» На самом деле это магнитная сетка, Земля, так что если можно усилить магнитные частоты гитарной струны, то, уж *конечно же*, можно усилить магнитные частоты Земли и *направить их туда*... И тогда взорвется галактический блюз, который будет играть так громко, что услышит даже самая дальняя планета в космосе.

Прямо перед моим домом в Санапи есть большой камень, который дети называли «Салли». На него все обожали забираться, потому что он был большим и страшным и притягивал их. У меня тоже был особый мистический валун, но своему камню я никогда не давал имя. Он находился за папиным домиком. Наверное, окружность у него была метров десять, а высота – два, и у него была такая гладкая и скользкая поверхность, поэтому, когда я забирался, ухватиться было не за что. Но рядом с валуном стояло дерево, и именно по нему я забирался на валун. Я думал: «Если я могу забраться

на этот камень и встать там, где не стоял еще ни один человек... то я смогу и общаться с инопланетянами». Это вызвало удивление у других восьмилеток на детской площадке.

Когда я читал Халиля Джебрана, то узнал в нем ту же неземную, дикую дрожь: «И не забывай, что земле приятно чувствовать твои босые ноги, а ветер жаждет играть с твоими волосами».

Когда я забрался на валун, моей первой мыслью было: *«Твою мать, я на вершине мира! Это МОЙ КАМЕНЬ»*. Потом я побежал в подвал Троу-Рико, схватил там долбаный резак – три сантиметра в ширину, пятнадцать в длину – огромный молоток – такой здоровенный, которым мы били по камням, чтобы делать каменные стены – и вырезал на камне «СТ», чтобы инопланетяне – а однажды они *все равно* придут – увидели мою метку и знали, что я тут, когда пойдут со мной разговаривать, а еще то, что я хочу жить вечно. Такими были мои детские мысли. Недавно я пошел к этому камню, намочил палец и потер по тому месту, где вырезал свои инициалы – и они все еще там! Я взял пепел от сигареты и насыпал его на букву «С», чтобы сделать фотографию. *И.Т. знакомится с С.Т.*

Таким было мое детство. Я слишком много читал. Я слишком много мечтал. Я жил в мире «А что, если?». Когда я читал Халиля Джебрана, то узнал в нем ту же неземную, дикую дрожь: «И не забывай, что земле приятно чувствовать твои босые ноги, а ветер жаждет играть с твоими волосами».

Все мое детство прошло в Троу-Рико... теперь оно навечно утеряно, как в «Моей дорогой Клементине». Где-то в 1985 году он перестал быть летним курортом.

Нельзя снова вернуться домой; ты возвращаешься, но там все не так. Все такое безумное, маленькое. Когда пытаешься вернуться, голова начинает кружиться. Как если бы ты приехал к маме, зашел на кухню, а у нее другое лицо.

Глава 2

Сиськи и письки

За два месяца до моего восьмого дня рождения – Элвис! *Heartbreak Hotel, Hound Dog*. Меня словно укусил радиоактивный паук. Элвис... Неземной. Но не Элвис первым открыл для меня рок-н-ролл. Я был слишком молод, чтобы понять его. Через четыре года Чабби Чекер и Дима, невероятная ныряющая лошадь, с ревом ворвались в мою жизнь.

К тому моменту, как мне исполнилось двенадцать, *Twist* Чабби Чекара был *хитом*. Это был единственный сингл, который возглавлял топ-100 *Billboard* дважды. В 1960-м мы с семьей поехали в Стил-Пир, Нью-Джерси, и там я увидел его. Он был пиздец каким популярным, даже родители хотели на него посмотреть. Он тогда выступал с живым звуком, и вдобавок я посмотрел на женщину, прыгающую на лошади в бак с водой с десятиметровой платформы. Ведущий сказал: «Дамы и господа, волшебная лошадь Дима прыгнет в маленький бак с водой. Ее наездница, мисс Олив Гелно, будет направлять Диму во время прыжка с десятиметровой высоты. Но вы должны быть как можно тише, или они не попадут в бак и разобьются насмерть».

Дима и ее наездница совершили идеальный прыжок и попали в бак. Почти вся вода вылилась через края бака огром-

ной волной, и толпа была в восторге. И два этих образа – Чабби Чекер, поющий *Twist*, и сексуальная девушка в купальнике на огромной лошади в смертельном прыжке – слились в моем сознании. Так я познакомился с миром рок-н-ролла.

В *Twist* я слышал секс. Я тогда не знал, что такое секс, я еще никого не завалил и не *умел* им заниматься, я не знал, что такое минет... «Мне надо засунуть свою штуковину тебе куда?» Но я слышал секс в музыке. *И я это любил*. Мне нравилось, что кто-то мог намекнуть на самый первобытный инстинкт – то, что каждый хотел сделать на свидании, – и вложить это в песню по радио, а если такая песня звучала *во время свидания*, то вы потом Занимались Этим! Ух ты! Я чувствовал там это настроение «пошло-все-на-хуй»! Все то, что нельзя сказать или сделать, можно отразить на сцене или в музыке. А как насчет песни Йена Уиткомба? Где он поет, как девушка, и при этом умоляет девушку. Спев песню сумасшедшим фальцетом, он сумел передать невыразимые эмоции, которые заставляли девушек краснеть и отворачиваться. Он попал в яблочко, это был безумный хит. И у всех у них было одно общее: высокий фальцет Литтла Ричарда, напоминающий высокие гармонии «Битлз», а еще конец песни Йена Уиткомба *Turn on Song* – он говорил с теми, кто его слышал, словное хриплое мокрое пятно вылезало из динамиков, хватало за шею и заставляло уши плакать... и другого выхода не оставалось, кроме как танцевать или быть со-

листом группы и делать все это самому.

А потом я увидел Дженис Джоплин. Вот это действительно был мой мир – чистые эмоции. На сцене она играла роль пропитанной джином королевы бара. С этим ее скрипучим голосом и уличными манерами, которые могли появиться только из-за определенного образа жизни, она превзошла всех, кто был до нее. Когда она пела, всем казалось, что она действительно много раз проходила по этой дороге, но больше это не повторится – не в этот раз. Она была ужасно уверенной в себе, этакой «суперхиппи», острой на язык, ее вокал сочился эксцентрикой и нахальством – такого еще никто не слышал и не видел. После концерта Дженис казалось, что ты побывал на какой-то лекции пятидесятников по принятию своего духа. Это был *такой* звук, меняющий сознание. И это было: «О боже мой!» В том, как она выкрикивала *Piece of my Heart*, была такая непристойная деловитость, нарко-сексо-животный порыв. Как будто она тысячу раз отдавала свое сердце и ни разу не забирала назад.

Там была Дженис – Дженис, что за дама, как чья-то мама, но помесь величественной взрослой женщины и горластой бесстыжей шлюхи из борделя Нового Орлеана. Таким был конец шестидесятых. И этим Дженис была для меня – революционным духом, тем, кто изменил мой эмоциональный настрой.

Чак Берри, Бо Диддли, Эдди Кокран, Литтл Ричард. *Roll Over Beethoven, Who Do You Love, Bonbonaлула-вон-ба-ба-*

бам-бум! Настоящий прилив адреналина. Меня схватил инопланетный луч и тащил к главному кораблю.

Beach Boys! In My Room. О боже! Я могу сказать лишь то, что моя девушка заводилась просто от того, как я восторженно цитировал эти слова. Именно на этой песне я первый раз встал из-за барабанов, выхватил микрофон у басиста и сказал: «Знаешь что, я сам спою эту хренову песню!» И потом – *абракадабра!* – я стал певцом! Я купил специальное крепление и прицеплял к нему микрофон. «*Дамы и господа, аплодисменты вокалисту Стивену Талларико!*» Но я что-то забегая вперед...

К тому моменту, как мне исполнилось пятнадцать, я знал, что хочу делать – помимо желания обдалбываться и пытаться залезть девчонкам в трусы под мостом. Барабаны! У старшего брата моего друга в подвале стояла барабанная установка. Мы пробрались туда, и, когда я увидел эту установку, я был *о-слеп-лен!* Я поверить не мог, что можно просто по чему-то долбить и от этого будет *столько шума* – и это не кастрюли и сковородки. Я сел за малые барабаны, и это стало началом конца. Я купил уроки Сэнди Нельсона, он первый начал играть барабанные соло в конце пятидесятых. Его самым большим хитом был *Let There Be Drums* в 1961-м. Он выделял в конце крутые переходы просто на малом барабане. Звучало так, будто кто-то бил по десяти таким штукам. Это был одновременно *и* фанк, *и* соул. Все, блядь! Вот он, мой пропуск: я просто оказался в этом охуенном месте в ве-

ликой игре жизни. Мой пропуск во все места, даже на выход из тюрьмы. В этом и была магия. Это фанк, который знали черные. Это соул, который знал Элвис, все вместе, и теперь у меня был ключ ко всему, особенно после уроков игры на гитаре в *Drums Unlimited* Уэстчестера.

Я ходил туда на занятия. Один парень дал мне резиновую штуку с тяжелыми палками, и я выучил азы... парадидлы и все такое. Я заслушивал пластинки Сэнди Нельсона, как битлов. Моя голова находилась практически ВНУТРИ динамика, ловя каждое движение, каждый нюанс звучания, УПИ-ВАЯСЬ ими. Но в конце одного альбома у Сэнди была такая штука – нечто среднее между гитарным риффом и серф-роком – такое *pata-ma-ma* помеси *Ventures* и Дика Дейла, с определенными акцентами. *Все дело в акцентах.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.